
ФОНЕМА И ВОСПРИЯТИЕ

Л. Р. ЗИНДЕР*

Рассмотрение фонемы как члена противопоставления привело Трубецкого к различению релевантных (по современной терминологии — дифференциальных) и иррелевантных признаков. Так как для выполнения дистриктивной функции, т. е. для различения значимых единиц языка (морфем, слов) фонема должна лишь отличаться от всех прочих фонем данного языка, то с точки зрения этой функции фонологическое содержание фонемы можно считать исчерпывающимися дифференциальными признаками. Фонема в таком случае может быть определена как сумма или пучок дифференциальных признаков. Последние в такой трактовке точнее называть вслед за С. К. Шаумяном дифференциальными *элементами*.

При таком понимании вещей в качестве дистриктора, строго говоря, выступает не фонема, а дифференциальный элемент, так как именно он различает фонемы, а через них и более высокие языковые единицы. Вместе с тем дифференциальный элемент, будучи структурной, а не линейной величиной, проявляется только через фонему, или в речи — через варианты фонемы. Вследствие этого фонеме и приписывают дистриктивную функцию.

Установление системы языка как таковой не требует непосредственного обращения к психике его носителей. Однако язык, являющийся средством общения между людьми, должен рассматриваться в лингвистике не как статистическая, а как функционирующая система, которая выявляется в речи. Это означает, что лингвисты не могут обходить вопроса о восприятии речи носителями соответствующего языка и о значении для восприятия отдельных языковых единиц.

Говоря о дистриктивной (смыслоразделительной) функции фонемы, Л. В. Щерба и Н. С. Трубецкой подчеркивали, что эта функция обнаруживается не только в том, что при замене фонемы одно слово (или фонема) может заменяться другим, но и в том, что замена фонемы может разрушить слово, превратить его в бессмысленное звуко сочетание (точнее — фономосочетание). В последнем случае говорить о дистриктивной функции не-

---

* ЛЭФ Ленинградского университета — Ленинград.

уместно; здесь дело идет о том, что слово не может существовать без соответствующего состава фонем и определенного порядка следования их. В аспекте восприятия это означает, что слово в таких условиях не может быть опознано, или же что опознание его, по крайней мере, становится затруднительным. Фонема, следовательно, выступает здесь в конститутивной, или иначе — в словоопознавательной функции.

Различие между вариантами одной фонемы не может быть использовано для различения слов или морфем, однако замена одного варианта другим затруднит восприятие слова. Показывая на примере слов *мел* и *мель*, что разные „е“ являются в русском языке вариантами одной фонемы, а согласные „л“ и „ль“ представляют две фонемы. С. И. Бернштейн замечает: „Разница между этими согласными достаточна для различения пары приведенных слов, но говорящие, различая слова *мел* и *мель*, опираются на различие общего облика слов, зависящее в равной мере от разницы в согласных и в гласных.“ (Фонема. Большая советская энциклопедия, том 58, 1936.) Экспериментально-фонетические исследования, проведенные в последнее время в лаборатории Ленинградского университета, показали, что правильное восприятие палатализованных согласных в значительной степени зависит, а иногда и целиком определяется соответствующими акустическими признаками следующих за ними гласных (Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербницкая. Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке. „Вопросы фонетики“, 1964); при этом эти признаки являются irrelevantными, так как они не используются в русском языке для противопоставления гласных фонем.

Все сказанное заставляет пересмотреть вопрос о фонологическом содержании фонемы. С точки зрения восприятия, опознавания значимых единиц языка (слов, морфем) физиологическое содержание фонемы не может исчерпываться дифференциальными элементами, в него входят и irrelevantные признаки. Так, переднеязычность не является дифференциальным элементом негубного носового согласного в русском языке, так как в нем нет заднеязычного носового, которому он бы был противопоставлен фонологически. Тем не менее, замена переднеязычного согласного заднеязычным в таких словах, как например, нос или сон „разрушит“ эти слова так же, как если бы в них „н“ был заменен согласным „л“. Разумеется, для носителей русского языка такого рода замены не равнозначны: *нос* непонятно, но звучит по-русски, *ос* же воспринимается как нечто чуждое русскому языку, (ср. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 40). В других случаях, а именно, перед заднеязычными согласными дело обстоит несколько по-иному: слово *анкета*, например, произнесенное с заднеязычным носовым, опознается правильно, но при этом ощущается „иностраный акцент“, в той или иной степени затрудняющий восприятие речи.

Таким образом, можно сказать, что пренебрежение irrelevantными

признаками ведет к разрушению слова, или же осложняет его опознавание. Следовательно, определение фонемы как пучка дифференциальных элементов, по крайней мере, с точки зрения восприятия не может быть признано удовлетворительным. Этими ставится под сомнение и то первостепенное значение, которое придается в определении фонемы дистриктивной функции ее. Знаки языка могут различаться и в том случае, когда план выражения их совпадает. Билатеральная природа делает это совершенно очевидным: для того, чтобы два знака, из которых каждый обладает двумя сторонами, различались между собой, достаточно несовпадение одной из этих сторон.

Резюмируя все сказанное, следует признать, что основной функцией фонемы является конституирующая или опознавательная (словоопознавательная или морфемоопознавательная), дистриктивная же функция будет производной, вторичной.

DISCUSSION

Artemov:

Я не усматриваю противоречия между новизнами: фонема как пучок дифференциальных признаков и восприятие фонем как совокупность перцепируемых качеств. Человек воспринимает звуковой образ слова, а не сумму фонем.

Wiede:

Я думаю, что распознавание слова осложняется только тогда, когда аллофоны произносятся неправильно. Но оно все-таки еще существует. Так, например, русские произносят слово „dich“ с твердым [x], но немцы их понимают, а немцы произносят слово „bank“ с [ɔ] и их также понимают. Мне кажется, что общение нарушено только тогда, когда неправильно произносятся фонемы.